

КОНТРОЛЬ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА ЗА ИНФОРМАЦИОННОЙ ОТКРЫТОСТЬЮ ВЛАСТИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Круглый стол "ГРАЖДАНИН, ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО: КОНТЕКСТЫ РОССИЙСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ДОСТУПА К ИНФОРМАЦИИ"

Марк Рац,
Институт стратегических оценок

Контроль гражданского общества за открытостью власти: контексты и рамки

Традиционной ориентацией подобного рода мероприятий бывает выработка некоего консенсуса по обсуждаемой теме, однако я вижу свою задачу ровно противоположной: посеять в ваших головах сомнения по поводу общепринятых истин и спровоцировать столкновение разных точек зрения. Моими ориентирами оказываются при этом не единомыслие присутствующих, а артикуляция разных позиций, проявление и понимание возникающих перед каждым из нас проблем (по-русски "разрывов впереди"); не согласование, а со-организация разнонаправленных действий.

Я должен извиниться за то, что вынужден обсуждать очень непростые и, на первый взгляд, оторванные от жизни вопросы. Знаю, что это трудно воспринимать на слух и многим противно. Мне тоже, но боюсь, что без обсуждения некоторых скучных и абстрактных материй мы далеко не продвинемся. Напомню также слова одного известного практика, говорившего, что нет ничего практичнее хорошей теории. Разработать хорошую теорию – наше общее дело. Я выступаю всего лишь зачинщиком.

Итак, я возьму приглашение на нашу конференцию и попытаюсь обозначить вопросы, которые у меня вызывает его текст. Я утверждаю, что в зависимости от того, как мы на них будем отвечать, план наших действий будет кардинально меняться. При этом, когда я говорю "мы", то имею в виду не то, что все мы будем отвечать на эти вопросы одинаково и все будем в едином порыве двигаться к одной общей цели (цели – то у всех разные), а всего лишь то, что присутствующих, как я надеюсь, объединяют некоторые общие ценности и соответствующие рамки. Это рамки диалога, права и конституционного патриотизма.

Рамка права означает принятие принципа формального равенства всех граждан России (включая находящихся у власти) перед судом и законом. В рамках права не может быть врагов, а могут быть только оппоненты, соперники, противники. Все конфликты могут решаться при этом либо политическими средствами, либо в судебном порядке.

Рамка диалога означает признание того, что все люди, все народы – разные. Каждый имеет право на свои подходы и взгляды, но никто не имеет оснований объявлять их единственно верными и добрыми. Отказывая себе в праве на такие безосновательные претензии, мы получаем возможность мирного сосуществования и важнейший ресурс развития во взаимодействии разных подходов, интересов и взглядов, разных культур.

Рамка конституционного патриотизма – деятельной любви к своей Родине со стороны ее граждан независимо от их этнонациональной или конфессиональной принадлежности. При этом сохранение и развитие национальных культур и традиций, национальной самобытности всех народов России оказывается важнейшей заботой

подлинных патриотов своей страны.

Таковы рамки.

А вот мои вопросы.

1. Судя по тексту приглашения, "власть" понимается организаторами примерно как синоним "государства" (в свою очередь, понимаемого как "машина" в привычной марксистской терминологии). Я утверждаю, что государство следует мыслить как гораздо более сложное устройство, и власть – лишь одна из его компонент. Как минимум, государство должно осуществлять еще управление и политику, а это, как я попытаюсь показать, отнюдь не функция власти. Отсюда вопросы: как мы будем мыслить государство и власть? О чьей, собственно, открытости мы при этом печемся? Должна ли идти речь только об информационной открытости либо мыслимы "открытости" и другого рода? Если да, то как они связаны с информационной открытостью?

2. Я бы различал доступ к информации о чьей-то деятельности, с одной стороны, и доступ к самой деятельности, то есть влияние на нее, соучастие в ней, – с другой. Понятно, что второе без первого невозможно, но первое (то есть информация о деятельности) может употребляться по-разному. Например, для использования чужой деятельности в своих целях и/или для изменения этой деятельности, а если ни то, ни другое невозможно, наверное, для изменения своей собственной деятельности, в том числе с целью получения доступа к чужой. Так мы-то чего ради воюем за информационную открытость власти? Допустим, мы ее добились: кто, как и с какой целью будет употреблять хлынувшую потоком информацию?

3. Другой поворот той же темы. Я различал бы контроль за информационной прозрачностью властей и контроль за их деятельностью. Либо они делают, что хотят, а наша забота знать об этом – и только, либо деятельность властей должна быть подконтрольна гражданскому обществу, а информационная прозрачность мыслится как одно из важнейших, но вовсе не единственное условие такого контроля. Каковы другие условия? Готовы ли мы контролировать власть, если она вдруг станет прозрачной?

Вот вопросы, вызываемые у меня первым абзацем полученного приглашения. Но сверх того я вынужден задаться, как минимум, еще одним вопросом, связанным с рамками наших дискуссий (и наших представлений вообще) о СМИ, журналистике, PR, политике, в том числе взаимоотношениях общества и государства, и других интересных вещах. Это вопрос о самом понятии "информация" в отличие, во-первых, от знаний и, во-вторых, от коммуникации, диалога: можно ли представлять последние как обмен готовой информацией (и/или знаниями)?

Поскольку этот вопрос явно выходит за границы намеченного обсуждения, но представляется мне в известном смысле определяющим (в частности, для понимания названной выше рамки диалога), я начну излагать свои версии ответов с двух тезисов по этому поводу.

Первое. Понятия "информация" в нашем гуманитарном сообществе нет: оно давно лопнуло под грузом неконтролируемых привнесений. Поэтому вся наша работа в сфере и по поводу информации – в значительной мере "работа без понятия". Я предложил бы считать информацией сведения, для употребления которых в наличных системах деятельности заранее заготовлены специальные функциональные места. (Пример – система пожарной охраны: за информацией об адресе пожара по телефону "01" автоматически следует выезд пожарников.) Информация – в отличие от знаний – не требует понимания, интерпретации, самоопределения получателя: она задействуется по схеме "сигнал–отклик", причем отклик заранее известный и не зависящий ни от чего,

кроме содержания сигнала. Способ задействия и употребления знаний, напротив, зависит от получателя, от его позиции, понимания, ситуации: он перестраивает систему своей деятельности сообразно получаемым знаниям, пересматривает свои средства, ресурсы, цели. Иными словами, информация и знания различаются не сами по себе (морфологически), а способом употребления (функционально).

Второе. Обмен готовыми знаниями и/или информацией может трактоваться как диалог или коммуникация только в обывательском, профанном смысле этих слов (назовем это "коммуникация–1"). "Коммуникация–1", в сущности, "превращенная форма" подлинной коммуникации, в процессе которой у ее участников "поверх" обмена готовыми знаниями (и информацией) вырабатываются новые знания (и информация), которых изначально не было ни у кого из них ("коммуникация–2").

Эти различия позволяют мне уточнить собственную позицию: моя цель спровоцировать на нашей конференции "коммуникацию–2" по объявленной теме, попытаться сориентировать общие усилия на понимание происходящего, на выработку в итоге новых знаний, которые позволили бы нам (каждому по–своему) переосмыслить и перестроить организацию собственной профессиональной деятельности, а не только добиваться открытости от власти и контролировать эту (чужую) открытость.

Возвращаюсь теперь с учетом сказанного непосредственно к намеченной для обсуждения теме.

Я буду рассматривать ее в контексте взаимоотношений общества и государства, имея в виду, во–первых, идеал в форме диалога, "коммуникации–2" между гражданским обществом и правовым государством; во–вторых, то, что пока в России ничего этого (то есть ни гражданского общества, ни правового государства, ни, естественно, диалога – даже и профанного – между ними) нет; в–третьих, то, что ни одна из этих "организованностей" не может быть выращена (а уж тем паче, не может быть построена) отдельно от другой и вне связывающего их диалога. "Коммуникация–2" между всеми политическими субъектами мыслится при этом как та питательная среда, в которой выращиваются гражданское общество и правовое государство.

Я буду различать далее три основных типа активности общественных субъектов и прежде всего государства: политику, управление и власть, хотя функционирование последней следует мыслить скорее как "пассивность", чем как "активность" (Р.Коллингвуд). Политикой (политической деятельностью) я буду считать взаимодействие, в идеале диалог конкурирующих, то есть имеющих общую сферу интересов, но разные интересы субъектов управления; то, что до сих пор трактовалось и трактуется как пресловутая "борьба за власть" (это понимание политики я считаю стареющим, а в границах ЕС уже едва ли не устаревшим). Управление я представляю на первый раз (далее будут внесены уточнения) как объединение целеполагания и целедостижения в отношении управляемой подсистемы, деятельность по переводу ее из одного (фактического) состояния в другое (желаемое). Наконец, власть я буду трактовать как важнейшее средство исполнения принятых управленческих решений, полагая при этом исполнение как одну из возможных форм (и один, а именно последний из этапов) реализации решений. Для меня, следовательно, "исполнительная система" – не система деятельности, которой распоряжается власть, а обе они вместе взятые. Власть при этом понимается как безличная, бессубъектная власть закона (технологии).

Информационная открытость власти оказывается тогда одной из составляющих коммуникативной открытости государства. Коммуникативная открытость выступает как условие осуществления политики в предлагаемом (и реализующемся в ЕС) ее понимании, а равно и как условие управления, если отличать последнее от системы

руководства, пресловутой "административно–командной системы". (Последняя мыслится как форма владычества – "склейки" власти и управления, игнорирующая собственные интересы и цели подведомственной системы.) Коммуникативная открытость – необходимое условие "демократии участия", лишь частным случаем которой оказывается тогда представительная демократия.

Если коммуникативная открытость выступает как условие управления, то информационная открытость оказывается не только условием осуществления власти, но и ее неотъемлемой характеристикой. В границах исполнительной системы, в том числе во власти – в отличие от систем политики и управления, работающих со знаниями разного рода – функционирует только и исключительно информация. Исполнительская система и есть та самая машина, которая работает по схеме "сигнал – отклик", по типу конвейера. (Знания бывают нужны только при ее конструировании или реконструкции.) Это означает, что требование информационной открытости власти является исчерпывающим: больше с нее взять нечего, но и меньше нельзя. Закрытая, непрозрачная власть – это власть узурпировавшего ее субъекта, ибо объективной власти закона нечего скрывать. Нельзя рационально помыслить неизвестно как осуществляемую власть неизвестного закона, неизвестно какой технологии, власть неизвестно чего: это кафкианский мир, в котором власть субъективирована и узурпирована некими – тогда уж неважно, известными или неизвестными – силами. Такова была советская власть. Во многом такой же осталась и власть российская. Но власть, понимаемая как власть закона, может осуществляться только принципиально бессубъектными и безликими бюрократическими, в частности, правоохранительными органами, у которых нет и не может быть никаких собственных интересов и целей. У них единственная функция: обеспечивать неукоснительное выполнение законов. Здесь выбор невелик: либо свобода чиновникам, либо гражданам России. Третьего не дано.

Такая власть осуществима только в условиях полной информационной открытости. Траектории движения принятых решений и документов должны быть заранее и точно известны. Информационная открытость конституирует "каналы" исполнительной власти: если они закрыты от публики, то их как каналов попросту не существует. Вместо прозрачных каналов мы получаем ситуативно формирующиеся (или не формирующиеся) конфигурации цепочек власти – подчинения. Здесь, в информационной "тени" у входящих в эти цепочки чиновников возникают и реализуются собственные интересы и цели, часто оказывающиеся более сильными стимуляторами и регулятивами деятельности, чем законы и технологии. Коммуникативная и информационная тени порождают коррупцию и теневую экономику и порождаются ими. (Отсюда, между прочим, следует что как коррупция, так и борьба с ней – побочные следствия информационной закрытости власти. Откройте или создайте – что то же самое – каналы исполнительной власти, и коррупция автоматически придет в норму, характерную для так называемых развитых стран.)

Но информационная открытость власти по крайней мере до тех пор, пока власть исправно функционирует, отнюдь не предполагает вмешательства в ее (власти) деятельность со стороны каких бы то ни было субъектов. Перестройка же власти, начавшей давать сбои, – дело управленцев и политиков. Проблема здесь состоит в том, что чиновники (носители власти), управленцы и политики – одни и те же люди. Власть, управление и политика, если иметь в виду человеческий материал, на котором они живут, различаются функционально, а не морфологически. Именно поэтому обсуждаемое различие много сложнее привычного различия и разделения разных ветвей власти: власть, управление и политику можно и нужно различать, но трудно разделять.

Поэтому информационная открытость власти объемлется коммуникативной открытостью государства, входит во вторую как необходимый технологический элемент.

При этом в силу морфологической нерасчлененности управления и власти прямое замыкание сигналов, порождаемых, например, государственными контрольными органами о сбоях и дисфункциях в каналах власти, на систему управления неэффективно. Только контроль со стороны граждан и их сообществ, гражданского общества может обеспечить эффективную перестройку власти политиками. Но необходимым условием такого контроля является, как легко понять, во-первых, наличие соответствующих форм и структур самоорганизации граждан и, во-вторых, коммуникативная открытость государства, его подсистем политики и управления.

Наше положение осложняется не только отсутствием (или эмбриональным состоянием) того и другого, но, наверное, непонятным нашим западным коллегам феноменом отсутствия в России граждан как мало-мальски массового и социокультурно значимого явления. Коммунистическая система со своей "новой (а теперь уже, слава Богу, старой) исторической общностью людей", безликой атомизированной массой населения – советским народом предполагала гражданскую позицию по преимуществу как ритуальную, фиктивно-демонстративную. Ведущим социокультурным процессом в посттоталитарной России оказался распад этой атомизированной массы, процесс индивидуализации людей, потерявших знаменитую уверенность в завтрашнем дне и патерналистскую заботу государства, впервые вынужденных озаботиться выживанием самих себя и своих семей. Но сама по себе индивидуализация в условиях жесткой борьбы за существование порождает только "дикий" рынок и "борьбу всех против всех". Формирование гражданского общества предполагает принятие массой социальных индивидов новых культурных и прежде всего правовых рамок (о наиболее общих я говорил в начале) и соответствующую самоорганизацию и соорганизацию, объединение в нетрадиционные и непривычные для советских людей сообщества по месту жительства, по интересам, национальным, конфессиональным, профессиональным, региональным, политическим и тому подобным признакам. Только осознав собственные интересы в рамках своего дома, квартала (села), города, региона, профессии, и лишь в пределах, в рамках своей страны индивид становится гражданином, способным брать на себя инициативу и ответственность в общественно значимых начинаниях.

Гражданские сообщества, гражданское общество в России в лучшем случае еще только формируются. Но именно с ними связана коммуникативная открытость государства, которое, кстати, само тоже еще формируется как консолидированный субъект политики и управления. К сожалению, Россия, будучи в целом страной европейской культуры, после семидесятилетнего господства советской власти и восьми лет реформ больше напоминает Африку, где, как писал 22 мая сего года в "Независимой газете" И.Тарутин, "отупевшее от бедности, забитое, покорное (я бы добавил: неорганизованное – *М.Р.*) население не способно контролировать действия правящей верхушки. А безнадзорная власть не способна долго сохранять демократический характер и легко перерождается в свою полную противоположность, даже если поначалу ее носители преисполнены самых благородных намерений".

В осознании и осмыслении подобного рода обстоятельств, складывающейся у нас культурно-политической и политико-правовой ситуации, в самоопределении и самоорганизации прежде всего интеллектуальной элиты я вижу условие работы по организации диалога наших эмбрионов общества и государства как средства выращивания того и другого – соответственно как гражданского общества и правового государства. В этом контексте тема информационной открытости власти занимает вполне определенное и важное место. Вместе с тем, как мне кажется, несколько меняются ориентиры работы по обеспечению этой открытости.

С одной стороны, она (эта работа) предстает как условие общественного контроля за деятельностью власти, вписывающейся в свою очередь в систему и практику

"демократии участия" – участия в управленческой и политической деятельности государства. С другой – она связывается с формированием общественных субъектов, вооруженных необходимыми методами и средствами употребления получаемой информации, – граждан и их сообществ разного рода.

Таковы мои представления об актуальных в России рамках и контекстах контроля гражданского общества за информационной открытостью власти, которые я предложил бы в качестве материала для более глубокого обсуждения и критики. Отсюда следует и моя версия ответа на наш сакраментальный вопрос: "Что делать?". Давайте для начала попробуем отделить от себя и критически проанализировать те "очки", сквозь которые мы видим наш мир и самих себя, в том числе, те понятия и представления, которые я обсуждаю. Может быть, проанализировав свои понятия и представления, методы и средства, мы поймем, что сначала менять надо их, а уж потом браться за обустройство России?

Я не открываю здесь никакой Америки: для европейской культуры это вполне традиционный ход мысли. Беда, на мой взгляд, в том, что, действуя таким образом у себя дома, западные коллеги полагают, что разработанные и прижившиеся у них методы, средства, онтологические картины и формы организации универсальны и, как минимум, пригодны для России. Во многих случаях это не так, и в качестве примера я сослался бы на обсуждение понятия "гражданское общество" ("Pro et contra", осень 1997 г.).

С другой стороны, я понимаю: "Чтобы идея была понята и профинансирована, одних аргументов и логических доводов мало. Идея должна укладываться в идеологию того общественного института, чью поддержку мы ищем" (П.Фейерабенд). Я сомневаюсь в том, что развиваемые здесь идеи укладываются в идеологию нынешнего российского государства. Я также сомневаюсь в том, что коллеги из западных фондов готовы финансировать такую работу, но я уверен, что без нее все элементы нашего "гражданского общества" будут существовать, пользуясь словами С.Кордонского, "только как проекции соответствующих зарубежных организаций и на их деньги". Но наша культурно–историческая ситуация сильно отличается от западной: очень возможно, что нам нужны другие формы организации. Здесь требуются специальные исследования и разработки. Что же, свой Баркашев у нас уже есть. Будем ждать своего Сороса?

Вопросы и ответы

- Как вы определяете понятие "общественно полезная информация"?

– Я думаю, что общественно полезная информация, если иметь в виду то, что я пытался здесь говорить, это такая информация, для употребления которой у нас есть более или менее отработанные технологии. То есть мы автоматически знаем, что с ней делать. Вот мы знаем, что Никитина обвинили, посадили. Такие сведения автоматически доводятся до сведения общественности. Это есть момент технологический, тут думать не надо. Узнали, что его забрали, тут же напечатали в газете.

–То есть общественно полезная информация – это та, которая может, как условный рефлекс, вызвать некие непосредственные реакции.

–Да.

– А если нет знаний?

– Если у нас нет готовой технологии, а у нас, как правило, ее нет в большинстве

случаев, то тогда это уже будет не информация, а знания, по поводу которых нам надо будет срочно соображать: а как их употребить на пользу дела?

– Вы использовали понятие "общественно полезная информация". Это как бы советизм, который остался на слуху. Так все–таки: общественно полезная или общественно значимая?

– Что общественно полезная, что общественно значимая – в данном случае не имеет значения.